

ПРЕДИСЛОВИЕ

Пятнадцатого декабря 1950 года у Бориса Виана возникает идея романа для «Черной серии»¹. Он отыскивает «сюжет настолько хороший», что даже сам «удивлен и слегка восхищен». Пишет синопсис, четыре первые главы и... отставляет замысел. Могла ли из него получиться еще одна книга Вернона Салливана? Стиль почти не дает в этом усомниться*, пусть псевдоним и был закреплен исключительно за издательством «Скорпион».

Через шестьдесят с лишним лет наследники Бориса Виана предоставили УЛИПО² полную свободу действий, чтобы дописать продолжение. Миссия была воспринята с воодушевлением. Теперь вам судить, насколько удалось ее выполнить.

Вот он, текст «Деваться некуда». На этой фатальной фразе, ставшей названием, заканчивался си-

* Решив сыграть на этой неопределенности, мы сопровождаем публикацию «примечаниями переводчика» внизу страницы. (Здесь и далее в тексте романа примечания УЛИПО. — *Ред.*)

нописис. Роман состоит из шестнадцати глав; первые четыре из них, оставшиеся без изменений, принадлежат Борису Виану.

В дополнении читатель найдет «познавательные» комментарии (они вынесены в конец книги, дабы не мешать чтению), синопсис, очерк об отношениях между Борисом Вианом, умершим в 1959-м, и УЛИПО, зародившимся в 1960-м, несколько слов о «закулисье» коллективной работы над текстом и оформлением обложки, а также приложения. Поскольку нам хотелось рассказать и об этом.

Деваться ведь некуда.

Посвящается генералу Омару Брэдли⁵

Эллен Брейстер... Эллен Брейстер... Эллен Брейстер...⁴

Проснулся я внезапно: это резко тронулся поезд. Похоже, остановился он плавно, и это не нарушило мой дурной сон. Пока последние огоньки вокзала затухали в тоскливом осеннем тумане, я машинально причмокивал, словно что-то пережевывая. Во рту было вязко, это ощущение напомнило мне, как два месяца тому назад в Корее я очнулся на операционном столе. Вообще-то, чтобы вспомнить о той операции, никаких дополнительных ощущений мне не требовалось. Я посмотрел на свою левую руку. Красивая штукovina, обтянутая желтой кожей. Скрытые внутри пружины и стальные рычаги позволяли мне делать почти все. Почти все. Как бы эта штукovina смотрелась на плече девушки? Но вот это хирурга совсем не заботило.

— У вас крепкая рука⁵, — сказал он. — Так что полегче с рукопожатиями. Друзьям⁶ может быть больно.

Вы когда-нибудь видели снаряд для противотанковой пушки? И металлическую гильзу от него? Так вот я своей левой рукой могу разорвать ее как рулон папиросной бумаги! Действительно, очень хорошая рука. Правильная. И очень прочная. Я посмотрел на нее с симпатией. Я уже начинал к ней привыкать. Она казалась мне почти живой. Только если не класть ее на плечо девушке. Девушке. Какой девушке?.. Имя какой девушки крутилось у меня в голове под стук вагонных колес?.. Похоже на имя героини популярной песенки... Элен... Элен Брейстер...

Господи, почему я подумал об этой девушке?

Я улыбнулся. Воспоминание было из приятных. Блондинка, динамит, килограммов на пятьдесят, с округлостями в самых сочных местах, точеная, с фигурой русалки, до пояса, а ниже пояса — куда лучше: лично меня чешуя русалок немного раздражает. А ноги Элен...

Я поднял выпавшую из моей руки газету «Сатердэй ивнинг пост»⁷ и принялся искать какую-нибудь рекламу холодильников. Следовало сменить ход мыслей и подумать о чем-то другом... Ее золотые глаза⁸, ее зубы — такие маленькие, что их наверняка было раза в два больше, чем у кого бы то ни было. А потом мне вспомнился рыжий папоротник⁹ в лесочке, где пахло мхом и грибами, и далекое солнце, и хижина, сооруженная каким-то заботливым охотником: в хижине было устроено ложе из сухих листьев папоротника...

Элен Брейстер... Первая девушка, которая... Ну... В общем... Первая...

Мы жили по соседству. Сколько мне тогда было? Я посчитал на пальцах. Пятнадцать лет. Столько же, сколько и ей. В то время я был хилым. Не очень крепким.

Поезд, проезжая по мосту, взвыл, и я вздрогнул, когда стук колес усилился от вибрации железа. Я посмотрел на часы. Еще десять минут. Блэк-Ривер¹⁰ находился на другой стороне одноименной реки, а мы только что проехали Стоун-Бэнк, на западном берегу. Хорошо, что я проснулся заранее. Странно только, что проснулся, думая о ней.

Мы познакомились на дне рождения Люси Мэй-нард. Теперь я припоминал. Тогда я впервые надел смокинг. Отцовский. Хотя у отца хватало средств, чтобы купить мне новый... Возможно, этим и объясняется его недостаток: не тратить бездумно. Впрочем, мать обеспечивала нужное равновесие. Его смокинг был мне тесен. Вижу себя как сейчас. С треклятой бабочкой, упрямо съезжавшей на сторону, и вьющимися прядями, приводившими меня в отчаяние и настырно пробивавшими корку фиксирующего лака... Я вновь с фантастической четкостью сновидения увидел гостиную Люси... При свернутом ковре комната странно изменилась в объеме; из нее вынесли почти всю мебель; оставался большой *pick-up*¹¹, диван, разномастные стулья вдоль стены и свет, много света. Все девчонки, с которыми раньше мы вместе гуляли, купались, катались, здесь, в своих стильных платьях с робкими декольте, казались более оголенными, чем в купальниках...

— Фрэнк, потанцуйте со мной.

Эллен смотрела на меня. Она была такой красивой в желтом муслине, под цвет своих глаз! В ту ночь, уже под утро, часов в пять, мы удрали с праздника и покатали на машине ее родителей. И оказались в хижине, на листьях папоротника. Она плакала и смеялась одновременно. А я и смущался, и гордился, и вел себя немного покровительственно, а еще мне хотелось быстрее заснуть, потому что на следующий день предстояло играть блуждающим полузащитником¹² в матче против команды Джонни Лонга. Но Эллен была такой красивой, что я продолжал ее целовать, и мне было неловко, что она расплакалась.

Поезд прибавил ходу, я улыбнулся. Вспоминая Эллен, я чувствовал, как меня переполняет нежность. Думать об Эллен было радостно. А еще я ощущал себя самым счастливым из всех демобилизованных *G. I.*¹³, с медалью *Purple Heart**¹⁴ или без нее, потому что впервые перестал думать о пятерых китайцах, спаленных огнеметом¹⁵; эта картина заставляла меня каждую ночь просыпаться в холодном поту и неотвязно преследовала последние два месяца, с того момента, как нас подобрали под грудой обломков, оставшихся от укрытия, в котором мы держались больше суток в ожидании приказа об отступлении¹⁶.

Поезд вез меня по Америке... Я подъезжал к Блэк-Риверу... И вспоминал об Эллен Брейстер, нежной Эллен, соучастнице моего первого мужского наслаждения... Где она теперь, эта Эллен? Узнала бы она Фрэнка Болтона в слишком рано постаревшем ти-

* «Пурпурное сердце» — награда, присуждаемая раненым солдатам.

пе, который из-за седины и морщин в свои тридцать пять казался лет на десять старше? С тех пор я познал немало других женщин, не менее красивых и привлекательных, но куда более искусных.

Тормозные колодки заскрипели, останавливая махину в девятьсот тонн стали и плоти, пущенную со скоростью восемьдесят миль в час, и я улыбнулся. Хороший знак. Я начинал с нуля. Мне повезло, что я вспомнил об Эллен. Вот как может играть с вами память... Я возвращался на родину и был счастлив, что ее лицо привиделось мне первым. Хорошее предзнаменование.

Поезд медленно остановился. Вокзал под холодным ртутным светом¹⁷ показался мне враждебным. При выходе из вагонов поднялась шумная возня. Я предъявил свой билет. И услышал, как продавец газет выкрикивает сенсационные заголовки. У меня в голове загудело.

— Простите.

Контролер посмотрел на меня с удивлением, но при виде моей военной формы и медали понимающе кивнул.

— Утомились от поездки?

Я не ответил. Я замер от ужаса. Продавец газет выкрикивал одно и то же:

— Эллен Брейстер, разведенная жена богатого банкира из Блэк-Ривера, убита... Специальный выпуск! Эллен Брейстер, разведенная жена богатого банкира из Блэк-Ривера... убита...

Да, моя память. Моя память... Или крики газетчика, заставшие меня, полусонного, в Стоун-Бэнке?